

Въ лѣсахъ и на горныхъ лугахъ Кавказа.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ мнѣ пришлось путешествовать по Черноморскому округу, побывать въ Сухумѣ, Туапсе, а затѣмъ отправиться въ горы къ верховьямъ Сочи, Шахе и другихъ пограничныхъ съ ними рѣкъ, принадлежащихъ какъ Черноморскому округу, такъ и Кубанской области. Эти горы почти лишены какого бы то ни было населенія и покрыты богатѣйшей растительностью. Въ нижнемъ поясѣ ихъ лѣса состоятъ изъ каштановъ, волошскихъ орѣховъ, сливъ, лычи*), яблонь, грушъ, дуба, бука и т. д., причѣмъ все это въ большинствѣ случаевъ донельзя перенутано различнаго рода ліанами, какъ напр., вооруженной острыми, загнутыми колючками *Smilax excelsa*, ломоносомъ (*Clematis vitabla* и *Cl. flammula*), плющѣмъ, виноградомъ, перебрасывающимися въ видѣ свѣтло-сѣрыхъ змѣй съ одного дерева на другое и т. д. Во многихъ мѣстахъ такихъ лѣсовъ безъ большого ножа или топора невозможно сдѣлать ни одного шага. Особенно неприятна и страшна здѣсь *Smilax excelsa*, зеленыя вѣтви которой, мало замѣтныя для глазъ, вооружены острыми, загнутыми и крѣпкими, какъ сталь, колючками, способными не только изорвать въ клочки крѣпкое платье, но даже вырывать у человѣка цѣлыя куски кожи и наносить весьма неприятныя раны. Держи-дерево (*Paliurus aculeatus*) также принадлежитъ къ неприятнымъ растеніямъ, вооруженнымъ очень острыми колючками; но гораздо хуже его особый

*) Лыча или влыча растеніе изъ семейства костянковыхъ съ плодами желтаго или темнокраснаго цвѣта раза въ три или четыре крупнѣ вишни.

видъ ежевики (*Rubus discolor*), стебли которой достигаютъ болѣе сажени въ высоту, въ толщину—въ большой палецъ человѣка, и снабжены крѣпкими и страшно острыми колючками, не уступающими колючкамъ *Smilax excelsa*. Даже лошадь, проходя по мѣстамъ, заросшимъ этими растеніями, совершенно измѣняетъ свою походку, именно высоко поднимаетъ ноги прямо вверхъ и опускаетъ ихъ также вертикально, чтобы меньше подвергаться опасности пораненія. Дереза (*Hierorphae rhamnoides*), которую особенно любятъ фазаны тоже вооружена очень острыми колючками, могущими причинить много досады охотнику.

Обиліе фруктовъ привлекаетъ въ эти мѣста не мало дичи, въ особенности къ концу лѣта и осенью. Медвѣдей и свиней здѣсь очень много; еще больше шакаловъ, вои которыхъ можно слышать каждый вечеръ и каждую ночь; встрѣчаются также рыси и барсы, но послѣдніе, вѣроятно, довольно рѣдко. Въ Елизаветпольскомъ поселкѣ, какъ сообщали мнѣ, барсъ увесъ однажды небольшую дѣвочку, которая пошла напиться въ поросшую лѣсомъ балку и не возвратилась изъ нея. Дѣвочку долго разыскивали, но безъ всякаго результата; наконецъ, кто-то изъ искавшихъ ее замѣтилъ въ балкѣ, куда она ходила, на грязи, около ручья, большіе, круглые слѣды, напоминающіе кошачьи, и кровь. Все рѣшили, что это были слѣды барса, который и умертвилъ здѣсь несчастную дѣвочку.

Барсы, какъ мнѣ самому точно извѣстно, были убиваемы нѣсколько разъ даже на сѣверномъ склонѣ этихъ горъ, именно въ верховьяхъ Урупа, Бѣлой и Б. Лабы.

Въ среднемъ поясѣ горъ, фруктовые деревья встрѣчаются значительно рѣже; ихъ замѣняетъ здѣсь букъ, ясень, кленъ, вязъ, липа, грабъ и т. д., а вмѣсто различныхъ лианъ появляется надубъ (*Plex aquifolium*), стелящійся по землѣ вѣчно зеленый кустарникъ, съ красивыми, блестящими твердыми кожистыми листьями, и множество рододендроновъ, которые также дѣлаютъ нѣкоторые мѣста этихъ лѣсовъ почти непроходимыми. За поясомъ лиственныхъ деревьевъ слѣдуетъ поясъ хвойныхъ, простирающійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 6½ и даже до 7 тысячъ футовъ

надъ уровнемъ моря. Здѣсь преобладающимъ элементомъ являются 200—300-лѣтнія кавказскія пихты, а также сосны; изрѣдка попадаются ели, къ которымъ примѣшивается довольно часто береза, рябина, грабъ, букъ и другія листовенныя породы. Въ этихъ мѣстахъ звѣря сравнительно немного, но зато здѣсь скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно найти рогаля-олень, который безспорно принадлежитъ къ очень умнымъ и самымъ осторожнѣйшимъ изъ звѣрей Кавказа. Въ отношеніи осторожности онъ далеко оставляетъ за собою свиней, сернь и туровъ, въ чемъ не разъ приходилось убѣждаться какъ мнѣ самому, такъ и многимъ другимъ охотникамъ. Даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ горъ, въ самыхъ глухихъ ущельяхъ, гдѣ ланки иногда по цѣлымъ днямъ бродятъ на полянахъ и опушкахъ лѣсовъ, олень очень рѣдко выходитъ на открытыя мѣста и притомъ почти исключительно ночью. Густые ельники, удаленные на десятки верстъ отъ жилья, любимое его мѣстопробываніе не только лѣтомъ, но и зимою.

Изъ всего сказаннаго мною объ этихъ лѣсахъ, читатель, конечно, пойметъ, что охотиться въ нихъ не легко, тѣмъ болѣе въ лѣтнее время, когда они заростають всевозможными сортами бурьяна и особенно папоротникомъ (*Pteris aquilina*), могущимъ скрыть въ себѣ даже всадника, сидящаго на лошади. Очень трудно, а иногда довольно опасно выслѣживать въ этихъ мѣстахъ звѣря, тѣмъ болѣе раненаго. Не могу не рассказать объ одной исторіи, случившейся въ такомъ лѣсу прошлой осенью съ охотникомъ, мнѣ очень хорошо извѣстнымъ. Тотъ отличный стрѣлокъ, человѣкъ очень смѣлый и находчивый, и вообще хорошій охотникъ, отыскивая оленей, ранилъ медвѣдя, который ушелъ въ такую непролазную чащу, гдѣ выслѣживать его было очень опасно. Желая избѣгнуть даже случайной встрѣчи съ раненымъ медвѣдемъ, охотникъ отправился въ совершенно другую сторону; но, проходя черезъ густой высокій, какъ лѣсъ, папоротникъ, вдругъ наступаетъ на медвѣдя. Медвѣдь бросается на него такъ быстро, что тотъ не успѣваетъ даже приложить къ плечу свою берданку, схватываетъ охотника зубами за правую руку, а лапами

за темя и лобъ, начинаетъ сильно кусать руку и велѣдь затѣмъ валить его на землю; потомъ медвѣдь садится на охотника верхомъ и начинаетъ царапать когтями. Все это должно было бы кончиться очень плохо, но почему-то гнѣвъ медвѣдя скоро прошелъ: онъ тихонько слѣзъ съ охотника и такимъ же тихимъ шагомъ отправился въ лѣсъ. Бѣдный охотникъ долженъ былъ порвать свое бѣлье, сдѣлать изъ него бинты и перевязать ими голову и руку, а придя домой, тотчасъ же отправиться въ больницу. Раны его оказались, однако, гораздо болѣе легкими, чѣмъ можно было ожидать, и потому онъ пролежалъ въ больницѣ лишь нѣсколько дней; только руку пришлось ему довольно долго носить на перевязкѣ.

Въ лѣтнее время, въ такихъ мѣстахъ охотятся преимущественно на солонцахъ и подъ лычею, плоды которой медвѣди и свиньи очень любятъ. Въ тѣ дни, когда мнѣ приходилось останавливаться на полянахъ или опушкахъ лѣсовъ, я употреблялъ часто утреннія и вечернія зори, а изрѣдка и цѣлыя ночи, на подобныя, хотя и скучноватыя, но иногда не лишеныя интереса охоты. За малыми исключениями онѣ кончались для меня полными неудачами; но, несмотря на это, тѣ изъ нихъ, на которыхъ мнѣ приходилось испытывать сильныя ощущенія, я вспоминаю съ удовольствіемъ. Особенно памятна мнѣ одна польская ночь, проведенная мною и еще однимъ охотникомъ въ глухомъ ущельѣ, покрытомъ сплошнымъ густымъ лѣсомъ. Отправляясь къ мѣсту охоты верхами, мы наткнулись на огромнаго темнобураго медвѣдя, который лежалъ у самой дороги въ небольшой котловинѣ, наполненной загустѣвшей грязью. Медвѣдь выскочилъ изъ-подъ самыхъ ногъ нашихъ лошадей, но такъ неожиданно, что мы не успѣли даже схватиться за ружья. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, на грязи остался точный отпечатокъ его огромнаго туловища и лапъ. Въ этотъ же вечеръ, подъ лычею, мы видѣли другаго медвѣдя, но онъ услышалъ насъ раньше, чѣмъ мы его замѣтили, и ушелъ также нестрѣляннымъ. Обойдя вмѣстѣ со своимъ спутникомъ всѣ мѣста, гдѣ росла въ ущельѣ лыча, мы замѣтили, что трава и бурьянъ подъ нею выби-

ты такъ сильно, какъ гдѣ-нибудь на дорогѣ или на улицѣ; кромѣ того, около каждаго дерева или куста лычи былъ вытоптанъ кругъ, по которому звѣри обходили со всѣхъ сторонъ лычу, чтобы подбирать упавшіе съ нея на землю плоды. Наконецъ, изъ лѣса, къ мѣсту, гдѣ росла она, тянулись въ разныхъ направленіяхъ сильно набитыя тропы, на которыхъ видно было много медвѣжьихъ и свиныхъ слѣдовъ. Очевидно звѣря ходило сюда очень много. Зная, что ночью и на разсвѣтѣ дичь бродить гораздо смѣлѣе, чѣмъ вечеромъ, мы рѣшили остаться подъ лычею до утра.

Просидѣвъ еще съ часъ послѣ заката солнца въ ожиданіи прихода звѣрей и не дождавшись никого, я выбралъ подъ лычею удобное, ровное мѣстечко, улегся на немъ и съ головою покрылся буркой, чтобы защитить лицо отъ укушеній комаровъ и еще болѣе докучливой мошки. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня примостился мой спутникъ. Ночью я просыпался раза 3—4, высовывалъ голову изъ-подъ бурки и внимательно прислушивался, чтобы узнать, не ходитъ ли гдѣ-нибудь, не жуетъ ли лычу кабанъ или медвѣдь; но кромѣ какъ-то особенно звонко раздававшася въ ночной тиши стука лычи, падавшей то съ того, то съ другого дерева, не слыхалъ ровню ничего. Передъ разсвѣтомъ я крѣпко заснулъ. Въ это время, вдругъ, надъ самой моею головою и, быть можетъ, не далѣе полуаршина отъ моего уха, раздается какой-то ревъ или что-то вродѣ рычанія, имѣющаго отдаленное сходство съ рычаніемъ большой собаки, но несравненно болѣе сильное. Мнѣ показалось, что эти звуки исходятъ изъ раскрытой надъ моею головою пасти, которая каждое мгновеніе можетъ схватить меня за голову и разможить ее. Ружье лежало у меня подъ бокомъ, но было обращено дуломъ къ моимъ ногамъ; поэтому, прежде, чѣмъ я успѣлъ бы взять его, взвести курокъ и повернуть стволъ въ противоположную сторону, невѣдомый звѣрь могъ десять разъ схватить меня.

Надо замѣтить, что мой спутникъ, вечеромъ, когда мы устраивали себѣ ночлегъ, разсказалъ мнѣ, какъ однажды, осенней ночью, когда онъ послѣ охоты улегся спать въ лѣсу, выбравъ для этого небольшую балочку, къ нему по-

дошелъ огромный медвѣдь, остановился на крутомъ пригоркѣ шагахъ въ 5—6 отъ него и, не разобравши, можетъ быть, кто лежитъ передъ нимъ, или озлившись, что ему помѣшали прогуливаться по лѣсу, началъ злобно фыркать и щелкать зубами; далѣе, какъ онъ, т.-е. мой спутникъ, лежа на мѣстѣ, тихо, не производя рѣзкихъ движеній, взялъ ружье, прицѣлился, выстрѣлилъ въ грудь медвѣдя и смертельно ранилъ его; какъ, наконецъ, медвѣдь, покотившись внизъ, чуть-чуть не схватилъ его. Вѣроятно, подъ влияніемъ этого разсказа мнѣ представилось, что и передо мною стоитъ медвѣдь, причемъ пасть его находится, какъ я уже говорилъ, лишь въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ моей головы. Прошу читателя войти въ мое положеніе. Не успѣлъ еще я проснуться надлежащимъ образомъ и придти въ себя, какъ чувствую, что въ самомъ близкомъ разстояніи отъ меня находится какое-то чудовище, какой-то большой, сильный звѣрь, но какой именно и съ какими намѣреніями относительно меня, это было только одному ему извѣстно. Я хорошо зналъ, что звѣри, за самыми малыми исключеніями, бросаются на человѣка очень рѣдко: напр., когда ранены и преслѣдуются имъ, или когда бываютъ поставлены въ безвыходное положеніе и должны защищаться; поэтому я не могъ считать себя въ большой опасности, но тѣмъ не менѣе мнѣ какъ-то неприятно было приподнять бурку и оказаться такимъ образомъ лежащимъ подъ самымъ носомъ медвѣдя или другого подобнаго ему звѣря. О томъ, чтобы выстрѣлить и убить его, нечего было и думать, такъ какъ онъ, увидѣвъ человѣка, навѣрно бросился бы со всѣхъ ногъ бѣжать и скрылся бы прежде, чѣмъ я успѣлъ взяться за ружье. Я хотѣлъ свистнуть или крикнуть, а затѣмъ уже сбросить съ себя бурку, но едва только что успѣлъ пошевелиться, какъ услышалъ грузный топотъ какого-то звѣря, бросившагося, очевидно, отъ меня. Быстро вскочивъ съ мѣста, я увидѣлъ въ утреннемъ полумракѣ огромнѣйшаго кабана, который уже скрывался за ближайшими деревьями и кустами.

Какимъ образомъ кабанъ, имѣющій такое тонкое обоняніе, не почуялъ меня и подошелъ такъ близко, это объ-

ясняется очень просто. Мы спали въ балкѣ, окруженной почти со всѣхъ сторонъ высокими горами, т. е. въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ извѣстно, ночью всегда тянетъ замѣтный вѣтерокъ сверху внизъ; кабанъ же шель съ горы, слѣдовательно, не могъ узнать издали о моемъ присутствіи посредствомъ чутья и потому едва не наступилъ на меня.

Каждый, кто охотился за кабанями съ подхода, особенно позднею осенью, знаетъ какіе сильные и могучіе звуки они издають, когда дерутся, гоняются другъ за другомъ, или при неожиданныхъ встрѣчахъ съ человѣкомъ. Эти звуки, съ густыми, глухими переливами, исходятъ какъ будто бы изъ бочки, напоминають какое-то рычаніе или ревъ и бывають слышны изъ лѣсу за цѣлыя версты. Имъ и обязано своимъ происхожденіемъ названіе „свинная ревка“, названіе, которое извѣстно каждому кавказскому охотнику.

Такой именно звукъ раздался и надъ моимъ ухомъ, когда я спалъ подъ лычею. Прежде я слышалъ его неоднократно и зналъ хорошо, но въ этотъ разъ не угадалъ только потому, что услыхалъ при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, т. е. во время сна, и притомъ надъ самымъ ухомъ. Этотъ ревъ разбудилъ и моего спутника. Онъ взялся даже за ружье и собирался стрѣлять кабана, но не успѣлъ.

Свой ночлеги мы покинули часовъ въ 7 утра; но, предполагая еще разъ покараулить свиней и медвѣдей въ другомъ, также очень хорошемъ мѣстѣ, условились теперь же проѣхать къ нему и посмотрѣть, много ли ходитъ туда звѣря.

Не добывая до этого мѣста съ полверсты, мы услышали нѣсколько раздавшихся вблизи его выстрѣловъ и были, конечно, этимъ очень опечалены, такъ какъ теперь всѣ наши надежды на охоту уже рухнули. Несмотря на это, мы рѣшили добратъся до предполагаемаго мѣста охоты и узнать, кто тамъ открылъ стрѣльбу и по какой дичи. Выѣхавъ на одну изъ полянъ, заросшихъ высокими густымъ папоротникомъ, я увидѣлъ трехъ человѣкъ, которые размѣстились вокругъ поляны и видимо чего-то ожидали. Одинъ изъ нихъ собирался кромѣ того стрѣлять во что-то по на-

правленію къ намъ и, чтобы мы не мѣшали ему, началъ жестами просить меня и моего спутника отъѣхать въ сторону. Мы, конечно, тотчасъ же исполнили его просьбу, а затѣмъ приблизившись къ другому охотнику, узнали отъ него, что въ папоротникѣ скрывается раненый ими еще на разсвѣтѣ кабанъ и что они никакъ не могутъ добить его. При этомъ охотникъ пригласилъ насъ принять участіе въ охотѣ на кабана.

Несмотря на то, что поляна занимала пространство всего лишь сажень 20 въ длину и ширину и что въ нее уже было пущено нѣсколько пуль, кабанъ не хотѣлъ уходить изъ папоротника, а охотники боялись лѣзть за нимъ въ такую густую заросль, гдѣ нельзя было ничего разглядѣть даже въ 3—4 шагахъ. Мнѣ очень хотѣлось узнать, чѣмъ кончится вся эта исторія; поэтому я слѣзъ съ лошади и привязалъ ее къ дереву, а потомъ, замѣтивъ внутри заросли, недалеко отъ окраины ея, невысокій дубъ, задумалъ взобраться на него и попытаться оттуда увидѣть кабана. Поднявшись сажени на 2 — 3 отъ земли, я не только замѣтилъ по легкому качанію папоротника мѣсто, гдѣ находился раненый кабанъ, но могъ даже довольно хорошо слышать щелканье *) его зубовъ. Присмотрѣвшись внимательнѣе и намѣтивъ по возможности точно мѣсто, куда надо было пустить пулю, я выстрѣлилъ. Въ первый моментъ кабанъ не двинулся съ мѣста; но спустя нѣсколько секундъ, по качанію же папоротника, можно было замѣтить, что онъ пролѣзъ нѣсколько шаговъ въ сторону и затѣмъ снова сталъ скрипѣть зубами. Въ это мѣсто были пущены охотниками еще 2 пули, но тоже безъ всякаго результата. Тогда мой спутникъ, человѣкъ очень смѣлый и рѣшительный, отправился съ своей берданкой въ папоротникъ, подолезъ къ кабану шага на 3 или на 4 и убилъ его однимъ выстрѣломъ. Только теперь всѣ мы увидѣли, что кабанъ былъ изъ числа вовсе не опасныхъ. Онъ вѣсилъ всего лишь пуда 4 и имѣлъ такіе маленькіе клыки,

*) Кабанъ, когда сердится, щелкаетъ зубами, не какъ собака, волкъ или медвѣдь, а какъ - то скрипѣть ими. Этотъ скрипъ можно слышать только на небольшомъ разстояніи.

которыми не могъ бы нанести человѣку серьезной раны; между тѣмъ стрѣлявшіе по немъ охотники разсказывали намъ, что онъ былъ довольно внушительныхъ размѣровъ и что по этой причинѣ они боялись лѣзть за нимъ въ густую заросль.

Черезъ день или два мнѣ снова пришлось побывать на охотѣ. Отправившись вдвоемъ передъ разсвѣтомъ, мы избрали на этотъ разъ не сплошной лѣсъ, а такія мѣста, гдѣ онъ пересѣкался множествомъ широкихъ и длинныхъ полянъ. Эти послѣднія на большей части своего протяженія были покрыты такимъ высокімъ бурьяномъ, что роса, выпадающая въ здѣшнихъ мѣстахъ, какъ извѣстно, обдавала насъ буквально съ головы до ногъ. Даже шапка часто бывала у меня мокрой отъ росы. Здѣсь, конечно, невозможно было и увидѣть какого-нибудь звѣря. Въ нѣкоторыхъ частяхъ полянъ бурьянъ, однако, былъ значительно ниже, напр., въ поясъ человѣку. На такія мѣста возлагались все наши надежды въ отношеніи охоты.

Пробродивши раннимъ утромъ часа полтора и не встрѣтивъ никакой дичи, я направился вдоль одной, покрытой лѣсомъ, не глубокой, но довольно крутой балки. Идя у окраины ея, я услышалъ какой-то шорохъ, остановился и сталъ прислушиваться; шорохъ какъ будто бы повторился. Я подумалъ, не роются ли въ балкѣ свиньи, а потому свернулъ въ лѣсъ и, дойдя до самаго края балки, снова сталъ прислушиваться. Ухо мое на этотъ разъ, однако, не могло уловить ни малѣйшаго звука. Я простоялъ такимъ образомъ нѣсколько минутъ и взглянувъ случайно вправо отъ балки, вдругъ увидѣлъ сквозь кусты и деревья, шагахъ въ 12—15 отъ себя, украшенную рожками головку дикаго козла, который смотрѣлъ, повидимому, прямо на меня. Сквозь вѣтви можно было разглядѣть и туловище его. Боясь, что онъ, замѣтивъ меня, въ одинъ прыжокъ скроется изъ глазъ и будетъ такимъ образомъ потерянъ безвозвратно, я быстро прицѣлился и выстрѣлилъ въ него. Когда дымъ разсѣялся, я увидѣлъ козла, лежащимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ въ моментъ выстрѣла. Грудь его около лопатокъ была насквозь пробита пулей.

Спусти нѣсколько дней я съ однимъ мѣстнымъ немвродомъ отправился на охоту къ соленымъ источникамъ, находящимся среди большого лѣса въ очень глухомъ, безлюдномъ мѣстѣ. Около нихъ мы должны были сидѣть и ждать прихода звѣрей не только весь вечеръ, но и всю ночь.

Подойдя къ источникамъ, мы увидѣли, что грязь около нихъ всюду страшно взбита, истоптана и испещрена множествомъ еще свѣжихъ оленьихъ, кабаньихъ и козьихъ слѣдовъ; здѣсь же находилось и нѣсколько такъ называемыхъ купалищъ, т. е. ямъ съ грязной водой, въ которыхъ звѣри купаются и валяются въ грязи.

Весь вечеръ мы просидѣли въ напрасномъ ожиданіи, а часовъ въ 9 улеглись на разостланной буркѣ, шагахъ въ 10—15 отъ солонца и притомъ ниже его, чтобы звѣрь, пришедшій пить соленую воду, не такъ легко могъ почуять насъ *). Спать и бодрствовать мы условились поочередно.

Хотя ночь была не особенно темная, но вокругъ насъ подъ густымъ покровомъ кроны громадныхъ буковыхъ деревьевъ, спустя часъ послѣ заката солнца, уже сдѣлалось такъ темно, что нельзя было буквально ничего разобрать даже въ 2—3 шагахъ. Глаза были въ это время для насъ совершенно бесполезнымъ органомъ. Если бы какой-нибудь звѣрь пришелъ теперь на солонецъ, то стрѣлять по нему можно было только на шумъ въ самомъ близкомъ разстояніи, и притомъ съ самой малой надеждой на успѣхъ. Часовъ въ 11 ночи мы услышали довольно сильный трескъ сухихъ вѣтвей, валявшихся на землѣ. Замѣтно было, что шелъ какой-то крупный звѣрь. Шумъ его шаговъ сначала постепенно приближался къ намъ, а затѣмъ началъ мало-по-малу удаляться и затихать. Очевидно животное направлялось не къ соленому источнику, а только случайно проходило невдалекѣ отъ него. Не прошло и получаса послѣ этой напрасной тревоги, какъ снова послышался трескъ и шумъ въ лѣсу, но уже гораздо ближе къ намъ. Можно было явственно различать, какъ ломались и трещали тол-

*) Уже было сказано, что ночью на склонахъ горъ вѣтеръ дуетъ почти всегда сверху внизъ.

стыя вѣтки и сучья—признакъ того, что идетъ звѣрь очень солидныхъ размѣровъ.

Этотъ трескъ быстро усиливался, слѣдовательно, звѣрь шелъ довольно скоро и направлялся прямо къ намъ; по временамъ, впрочемъ, онъ совсѣмъ затихалъ или смѣнялся слабымъ шорохомъ. Это случалось въ то время, когда животное изъ чащи выходило на одну изъ тропъ, шедшихъ по всѣмъ направлениямъ къ соленому источнику, или оставалось и прилущивалось. Черезъ нѣсколько минутъ сучья трещали уже недалеко отъ солонца и не дальше 30 или 40 шаговъ отъ насъ. Сколько ни напрягали мы свое зрѣніе, сколько ни старались проникнуть въ непроглядную темь лѣса, рѣшительно ничего разсмотрѣть не могли. Слышно было, что грузный звѣрь подошелъ еще гораздо ближе; казалось, что вотъ-вотъ онъ совсѣмъ наткнется, наступитъ на насъ, но все-таки мы его не видѣли. Положеніе наше съ охотничьей точки зрѣнія было отчаянное; мы чувствовали, что дорогая, крупная дичь, такъ рѣдко достаемая въ руки охотника, находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, на разстояніи вѣрнѣйшаго выстрѣла, но не только стрѣлять по ней не могли, а даже не знали, что это за дичь.

Хотя звѣрь шелъ съ горы и не могъ почувять насъ, но къ самому солонцу не подошелъ, а шагахъ въ 15 отъ него свернулъ вправо, вѣроятно, съ намѣреніемъ обойти вокругъ солонца, зайти съ подвѣтренной стороны и, только убѣдившись такимъ образомъ въ полной безопасности, отправиться пить воду или валяться въ грязи. Намъ былъ слышенъ каждый его шагъ; мы слышали, какъ онъ прошелъ сбоку насъ, заходилъ снизу и описалъ такимъ образомъ вокругъ насъ около половины окружности. Шелъ онъ очень близко, шагахъ въ 20 или 25, но, безъ сомнѣнія, не видѣлъ и не слышалъ насъ. Сердце у меня сильно билось отъ волненія, и я едва могъ переводить духъ. Невѣдомый звѣрь находился теперь уже ниже насъ по склону горы; но въ это время вдругъ раздался сильнѣйшій стукъ и трескъ въ лѣсу въ той сторонѣ, откуда только что доносился шумъ его шаговъ. Слышно было, какъ испуганный

звѣрь опрометью бросился внизъ и понесся по лѣсу. Причина этого внезапнаго испуга очень ясна: пока животное шло выше, а также сбоку насъ, оно не могло почувать угрожавшей ему опасности, но какъ только очутилось внизу отъ насъ, т. е. подъ вѣтромъ, то тотчасъ почувало запахъ чело-вѣка и бросилось бѣжать.

Пространствовавъ нѣсколько дней по дремучимъ лѣсамъ, мы выбрались на высокія голыя горы, находящіяся между верховьями Шахе и Бѣлой. Средній поясъ ихъ на большей части своего протяженія былъ покрытъ богатыми альпійскими лугами; надъ ними громоздились высокія крутыя скалы, во всѣхъ углубленіяхъ которыхъ блестяли пятна и полосы снѣга, а кое-гдѣ лежали даже настоящія снѣжныя поля; внизу же, въ мрачныхъ, глубокихъ ущельяхъ, сквозь легкую, полупрозрачную дымку виднѣлись темносиніе лѣса, состоящіе почти изъ однихъ только пихтъ, заостренныя, тѣсно-прижавшіяся другъ къ другу верхушки которыхъ издали напоминали густую щетку. Въ этойъ въ высшей степени влажной мѣстности, отличающейся необыкновеннымъ обиліемъ атмосферныхъ осадковъ, кавказскія пихты (*Abies Nordmanniana*, Spach) достигли колоссальныхъ размѣровъ и заглушили почти все другія древесныя породы. Такимъ же характеромъ отличаются лѣса въ верховьяхъ Бѣлой, Пшехи и другихъ рѣкъ этой части Кавказа. Удивительно темный цвѣтъ зелени, составляющій, какъ замѣтилъ недавно проф. А. Красновъ, отличительную особенность припонтійскихъ лѣсовъ, и здѣсь бросается въ глаза съ перваго же взгляда; по этой причинѣ издали здѣшніе лѣса, особенно пихтовые, кажутся даже не темнозелеными, а темносиними.

Послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ этихъ сырыхъ, тѣнистыхъ лѣсахъ, гдѣ нельзя заглянуть въ даль и гдѣ кругозоръ часто ограничивается лишь нѣсколькими шагами, попасть на открытые, освѣщенные яркимъ солнцемъ, альпійскіе луга, съ которыхъ можно было окинуть взоромъ пространство въ десятки, а иногда даже въ сотни верстъ,—и наблюдать дивную горную природу въ ея столь чудномъ разнообразіи,—было для насъ особенно пріятно.

Вмѣсто лѣсовъ теперь мы видѣли предъ собою пестрый коверъ изъ разнообразныхъ альпійскихъ цвѣтовъ и травъ.

Альпійскіе луга этихъ мѣстъ сильно отличаются отъ альпійскихъ луговъ другихъ частей Кавказа. Отстоя отъ Чернаго моря всего лишь верстѣ на 40 и находясь подъ сильнымъ вліяніемъ его, эти мѣста имѣютъ очень влажный климатъ и отличаются огромнымъ количествомъ атмосферныхъ осадковъ. Поэтому здѣсь только наиболѣе крутые гребни и вообще сухія и сильно освѣщенные солнцемъ мѣста бывають покрыты довольно частою травой, перемежающейся съ самыми разнообразными, яркими, красивыми цвѣтами, и напоминають такимъ образомъ горные луга центральной части Кавказа; всѣ же прочія мѣста заростають огромнымъ густымъ бурьяномъ, достигающимъ иногда почти роста человѣка. Травянистое растеніе *Heracleum villosum* нерѣдко имѣетъ здѣсь высоту сажени въ 2 и толщину почти въ ногу человѣка. Конскій шавель, герань, чемерица, различные виды лотиковыхъ также образуютъ чуть не цѣлые лѣса. Только на мѣстахъ, имѣющихъ высоту не менѣе $7\frac{1}{2}$ или 8 тысячъ футовъ и большую часть года покрытыхъ снѣгомъ, растительность является уже очень тонкой и жалкой.

На высотѣ около 5000 ф. мы сдѣлали привалъ, чтобы отдохнуть, напиться чаю и покормить своихъ лошадей. Желая укрыться отъ лучей солнца, которое, какъ извѣстно, на высокихъ мѣстахъ жжетъ еще сильнѣе, чѣмъ внизу, я отправился къ одной столѣтней пихтѣ, стоявшей въ сторонѣ отъ другихъ и саженьяхъ въ 20 отъ опушки лѣса. Здѣсь я нашель совершенно свѣжую медвѣжью лежку. Оказалось, что медвѣдь избралъ для своего отдыха такое прекрасное мѣсто, лучше котораго не могъ бы найти никто изъ насъ, именно у корня огромной, величественной, тѣнистой пихты и притомъ на косогорѣ, съ котораго открывается чудный видъ не только на ближайшія мѣста, но и на далекія горы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой пихты лежало на землѣ толстое, полусгнившее дерево, которое медвѣдь расщепилъ и вытащилъ оттуда соты пчель, вошедшихся въ немъ.

Простоявъ на этомъ мѣстѣ часа три, мы двинулись вверхъ по горнымъ лугамъ, имѣя съ лѣвой стороны отъ себя густой пихтовый лѣсъ, а справа высокій кряжъ, покрытый на большей части своего протяженія альпійскими лугами. По сторонамъ нашей едва замѣтной дорожки путалось во всѣхъ направленіяхъ множество медвѣжьихъ тропъ и часто попадались вывороченные звѣремъ камни и изрытая земля. Все это подавало намъ большую надежду не разъ повстрѣчаться здѣсь съ виновниками этихъ прорѣлокъ.

Проѣхавъ версты 3, мы попали часа въ 4 пополудни на открытое, возвышенное мѣсто, съ одной стороны котораго тянулись все выше и выше поднимающіеся уступы горъ, покрытыхъ сочною травой, а съ другой, въ полуверстѣ отъ насъ, высокимъ барьеромъ окаймлялъ луга дремучій лѣсъ. Такъ какъ подобная мѣстность представляла большое удобство для охоты, да къ тому же мы сильно нуждались въ мясной провизіи, то сообща рѣшили остаться здѣсь на цѣлыя сутки и поохотиться надлежащимъ образомъ.

Въ началѣ 5-го часа я съ однимъ изъ моихъ проводниковъ отправился на охоту. Не успѣли мы отойти отъ стоянки и полуверсты, какъ замѣтили далеко на косогорѣ какое-то крупное животное. Хотя до него надо было лѣзть не менѣе часа, но мы, не разсуждая долго, рѣшили подкрасться къ нему. Векорѣ рядомъ съ нимъ показался другой такой же звѣрь. Мы принялись разсматривать ихъ въ бинокль, но тутъ то и должны были сильно разочароваться, такъ какъ предполагаемая дичь, вродѣ оленей, оказалась обыкновенными быками, принадлежавшими по всей вѣроятности горцамъ, которые ежегодно пригоняютъ сюда на лѣтніе мѣсяцы свой скоть. Если бы не высокій бурьянъ, почти скрываващій быковъ, намъ не пришлось бы, вѣроятно, впасть въ подобную ошибку.

—Послѣ такого разочарованія мы повернули почти подъ прямымъ угломъ и направилась вдоль одной длинной балки, поросшей высокимъ бурьяномъ. Въ это время, шагахъ въ или 30 отъ насъ, выскакиваетъ изъ бурьяна ланка и боль-

шими легкими граціозными прыжками несется черезъ балку; увидѣвъ на противоположной сторонѣ ея человѣка, шедшаго отъ нашей стоянки, она мгновенно остановилась шагахъ въ 90 или 100 отъ насъ. Я быстро прицѣлился въ нее (это было до выхода въ свѣтъ закона, которымъ воспрещается убивать ланокъ), но не успѣлъ выстрѣлить въ то время, когда она стояла, а пустилъ пулю уже вдогонку ей и сдѣлалъ при этомъ промахъ. Пуля далеко полетѣла подъ гору и свистъ ея слышали не только мы, но и человѣкъ, оставшійся на стоянкѣ.

Проводивъ глазами ланку до самаго лѣса, я вложилъ въ ружье новый патронъ и отправился вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ дальше. Пройдя еще съ верету, мы увидѣли вдали, на горѣ, темнаго и, повидимому, очень большого медвѣдя, а нѣсколько ниже него медвѣдицу съ однимъ медвѣженкомъ. Тотчасъ нами былъ составленъ планъ предстоящей охоты, для выполненія котораго мы должны были прежде всего выбратъся на ту высокую гору, гдѣ ходили медвѣди. До нихъ было очень далеко, вѣроятно, версты $1\frac{1}{2}$ или 2, и намъ надо было лѣзть къ нимъ не менѣе полчаса; но съ одной стороны сильно пересѣченная мѣстность, позволявшая безъ особеннаго труда подкрасться къ нимъ, а съ другой, — всегдѣ извѣстная безпечность и невнимательность медвѣдя ко всему окружающему, подавали намъ большія надежды на благопріятный исходъ охоты и заставляли пренебречь всеми трудностями, неизбѣжно сопряженными съ нею. Самая главная изъ нихъ это, конечно, длиннѣйшій подъемъ на крутую гору. Нужно замѣтить, что вслѣдствіе чистоты и прозрачности горнаго воздуха медвѣди были видны намъ довольно хорошо, несмотря на большое разстояніе, а въ бинокль можно было различить даже каждое движеніе ихъ.

Едва мы успѣли пройти съ полвереты, какъ медвѣдь взошелъ на острый гребень одного края, скрылся за нимъ и больше уже не показался намъ на глаза; что же касается медвѣдицы, то она довольно долго топталась на одномъ мѣстѣ, а затѣмъ, взобравшись на высокій бугоръ, улеглась вблизи вершины его, подъ небольшимъ скалистымъ высту-

помъ. Около нея расположился и медвѣжонокъ. Въ бинокль они и въ это время были видны вполне отчетливо.

Когда мы влѣзли на одинъ довольно крутой бугоръ, который долгое время скрывалъ отъ нашихъ глазъ медвѣдицу, и взглянули на то мѣсто, гдѣ передъ этимъ она лежала, то ея тамъ уже не оказалось. Уйти далеко она не имѣла причинъ и по всей вѣроятности, пролежавъ минутъ 15—20, отправилась куда нибудь по близости на кормежку; по этой причинѣ мы не теряли надежды отыскать ее и продолжали лѣзть на гору все въ томъ же направленіи. Поднявшись на цѣлый рядъ уступовъ, мы были уже не особенно далеко отъ той горы, гдѣ видѣли медвѣдицу. Но ни на этой горѣ, ни по сосѣдству съ нею, ея не оказалось. Мы стали внимательно осматривать окружающіе насъ склоны и гребни, но и здѣсь не могли отыскать ее. Въ это время вдругъ она показалась совсѣмъ не тамъ, гдѣ мы предполагали, а шаговъ на 300 ближе къ намъ. Такъ какъ стрѣлять было еще далеко, то мы снова должны были подкрадываться, но старались уже не попадаться ей на глаза, потому что на такомъ сравнительно близкомъ разстояніи она легко могла замѣтить насъ и уйти. Когда до медвѣдицы было не болѣе полутораста шаговъ, мы снова потеряли ее и должны были довольно долго отыскивать, заглядывая во все балки и котловины этой пересѣченной мѣстности. Наконецъ, подойдя къ одной довольно глубокой, съ крутыми боками, воронкообразной впадинѣ и осторожно заглянувъ въ нее, я вдругъ увидѣлъ на днѣ, шагахъ въ 30 отъ себя медвѣдицу, которая стояла правымъ бокомъ ко мнѣ и, сильно опустивъ голову, что то отыскивала въ травѣ.

За высокимъ бурьяномъ мнѣ былъ виденъ только самый верхъ ея спины, покрытой грубой, торчащей какъ щетина, шерстью. Стрѣлять по ней въ это время было, конечно, неудобно; но не прошло и десяти секундъ, какъ она повернулась ко мнѣ задомъ и, продолжая копать въ землѣ, стала передними лапами на самое дно воронки, а задними значительно выше, на откосъ ея. Смотри на нее сверху, я могъ видѣть теперь только самую заднюю часть ея спи-

ны. Въ это время стрѣлять было еще хуже, чѣмъ прежде; оставалось только ждать момента, когда она приметъ болѣе удобное для моего выстрѣла положеніе.

Такъ какъ мой спутникъ находился въ это время шагахъ въ 10 сзади меня, то я подалъ ему знакъ рукой, что вижу медвѣдицу и что прошу его молчать и не двигаться съ мѣста, а самъ продолжалъ наблюдать за медвѣдицей въ ожиданіи удобнаго момента для выстрѣла. Въ это время вылѣзъ на камень маленькій, неуклюжій и очень смѣшной медвѣжонокъ; онъ стоялъ весь на виду, бокомъ ко мнѣ, и шагахъ въ 5 отъ своей матери. Застрѣлить его было жалко, да кромѣ того въ этомъ случаѣ можно было упустить изъ рукъ медвѣдицу; поэтому я только пригнулся по сильнѣе, чтобы медвѣжонокъ не замѣтилъ меня, и остался попрежнему въ роли наблюдателя. Вскорѣ онъ слѣзъ съ камня и вдвоемъ съ медвѣдицей, не подозрѣвавшей никакой опасности, началъ мирно и беззаботно предаваться своимъ занятіямъ, т.-е. копать въ землѣ, отыскивая, вѣроятно, какіе-нибудь корни, луковицы, насѣкомыхъ и т. д.

Въ это время вѣтеръ дулъ сверху внизъ, вдоль склона горы, гдѣ происходила вся эта исторія; а такъ какъ я стоялъ у того края котловины, который былъ обращенъ подъ гору, то былъ увѣренъ, что медвѣдица не почуветъ меня, и потому еще съ большимъ увлеченіемъ сталъ слѣдить за всѣми движеніями ея и медвѣжонка. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдать на свободѣ животныхъ вродѣ медвѣдей, когда ихъ никто не беспокоитъ и когда они вполне отдаются своимъ естественнымъ влеченіямъ, и притомъ наблюдать на такомъ близкомъ разстояніи, рѣдко кому удается, а потому нельзя было и не воспользоваться этимъ случаемъ. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на медвѣдицу и медвѣжонка въ теченіе минутъ пяти, и они все это время продолжали на одномъ мѣстѣ копать въ бурьянѣ, который, къ сожалѣнію, мѣшала мнѣ разсмотрѣть, что именно они отыскиваютъ и ѣдятъ. Я уже рѣшилъ стрѣлять по медвѣдицѣ только тогда, когда она, задумавъ выбраться изъ ямы, ползетъ ко мнѣ или на другой откосъ ямы; но въ это время вдругъ раздался громкій, пронзительный ревъ медвѣдицы и велѣдъ

затѣмъ она въ сопровожденіи медвѣжонка быстрымъ галопомъ бросилась изъ ямы*). Пока медвѣдица лѣзла на откосъ котловины, я не успѣлъ хорошо прицѣлиться въ нее и выстрѣлилъ уже тогда, когда она выскочила на небольшую ровную площадку, находившуюся около котловины. Въ моментъ выстрѣла медвѣдица сильно заревѣла и тотчасъ же скрылась въ сосѣднюю, поросшую бурьяномъ балку. Я со всѣхъ ногъ бросился къ краю ея и, пробѣжавъ шаговъ 40, увидѣлъ на днѣ ея медвѣдицу, которая едва тащилась по бурьяну и часто оставалась. Оглянувшись назадъ и увидѣвъ меня, а можетъ быть, и подбѣгавшаго ко мнѣ моего спутника, она съ ревомъ обернулась въ нашу сторону, приподнялась на заднія лапы, какъ будто бы хотѣла броситься на насъ, но тотчасъ же опустилась на четвереньки и снова пошла своей дорогой. Пройдя шаговъ 10, она повторила тотъ же маневръ еще два раза, очевидно, съ цѣлью напугать насъ и отбить у насъ охоту преслѣдовать ее**).

Видя, что медвѣдица едва тащится и вотъ-вотъ упадетъ, я не сталъ стрѣлять по ней; этому, впрочемъ, отчасти мѣшала и высокій бурьянъ, изъ котораго была видна только спина ея.

Когда медвѣдица лѣзла черезъ балку, медвѣжонкъ успѣлъ уйти далеко впередъ, но, замѣтивъ, что мать отстаетъ отъ него, онъ два раза возвращался къ ней; во второй разъ, пробираясь, вѣроятно, своимъ старымъ слѣдомъ, онъ подскочилъ къ матери очень близко. Не узнала ли она его и приняла за своего врага, или просто подъ вліяніемъ злости и бѣшенства, она схватила его лапами и начала кусать. Медвѣжонкъ поднялъ отчаянный крикъ, но скоро успѣлъ вырваться изъ лапъ матери и убѣжалъ прочь. Стоя въ это

*) Хотя я находился въ отношеніи медвѣдицы подъ вѣтромъ, но такъ какъ въ котловинахъ онъ тичетъ не ровной струей, а вертится на мѣстѣ и бросается во всѣ стороны, то благодаря этому, медвѣдица, вѣроятно, и почувала запахъ человѣка; по силѣ же ощущенія она тотчасъ узнала, что врагъ ея находится очень близко, а потому такъ стремительно бросилась изъ котловины и сильнымъ ревомъ дала знать медвѣжонку о большой опасности, угрожавшей имъ обоимъ.

***) Раненный медвѣдь, когда его преслѣдуютъ, иногда, не осмѣливаясь броситься на человѣка, пугаетъ его такимъ образомъ. Это извѣстно многимъ кавказскимъ охотникамъ.

время на высокомъ мѣстѣ, надъ краемъ балки, я хорошо видѣлъ все, что происходило въ началѣ на днѣ, а позднѣе на противоположномъ склонѣ балки.

Когда медвѣжонокъ ушелъ, медвѣдица пролѣзла на гору еще шаговъ 10 и легла; очевидно, она уже совсѣмъ выбилась изъ силъ и не могла выбраться изъ балки. Такъ какъ за высокимъ бурьяномъ намъ нельзя было видѣть ее, и мы не знали, жива ли она, или нѣтъ, то должны были подходить къ ней съ нѣкоторою осторожностью. По этой причинѣ мы не полѣзли черезъ балку, а рѣшили обогнуть ее, чтобы подойти къ медвѣдицѣ не снизу, а сверху. Это, конечно, было гораздо безопаснѣе, такъ какъ медвѣдица, если-бы она дѣйствительно была жива, не могла бы броситься на верхъ съ такой быстротой, какъ внизъ, подъ гору.

Находясь шагахъ въ 10 отъ того мѣста, гдѣ должна была лежать медвѣдица, мы все-таки не могли разглядѣть ее и узнали это мѣсто только по измятому бурьяну.

Бросивъ туда камень и видя, что медвѣдица не подаетъ никакихъ признаковъ жизни, мы подошли къ ней и застали ее уже мертвой.

Послѣ снятія кожи я вскрылъ внутренности медвѣдицы и увидѣлъ, что пуля, ударившая ее въ лѣвый пахъ (я стрѣлялъ почти въ задъ медвѣдицы), сдѣлала довольно большое входное отверстіе, затѣмъ, вѣроятно, разбившись на нѣсколько частей, сильно поранила кишки, селезенку, желудокъ, отчасти и печень, проникла въ грудную полость, слегка задѣла легкія и гдѣ-то затерялась въ мускулахъ передней части груди.

Провозившись съ медвѣдицей около часа, мы уже собрались идти домой, но въ это время вдругъ увидѣли на скалѣ, въ полуверстѣ отъ насъ, серну. Такъ какъ моя охотничья страсть была уже удовлетворена, а между тѣмъ мясо намъ было очень пужно, то я предложилъ отправиться за серной своему спутнику, а самъ, взявъ кожу и черепъ медвѣдицы, пошелъ къ стоянкѣ. Дорогою мнѣ попалось, въ одной изъ котловинъ, довольно много обледенѣвшаго снѣга и я очень обрадовался этой находкѣ, такъ какъ близъ нашей стоянки воды нигдѣ не было и мы только и могли рассчитывать на

снѣгъ. Отбивъ нѣсколько кусковъ снѣга, я положилъ его въ баушлыкъ и такимъ образомъ принесъ на таборъ. Черезъ часъ послѣ меня явился, и притомъ съ серною за плечами, охотникъ. Такимъ образомъ этотъ день закончился именно такъ, какъ мы желали.

Утромъ на слѣдующій день намъ снова надо было отправляться за снѣгомъ, чтобы передъ выступленіемъ имѣть возможность напиться чаю и хорошо пообѣдать. Но такъ какъ до снѣга было не близко и приходилось идти по такимъ мѣстамъ, гдѣ можно было встрѣтить дичь, то я рѣшилъ самъ отправиться за нимъ, взявъ съ собою одного изъ проводниковъ.

Надо замѣтить, что въ это утро мнѣ хотѣлось поохотиться только за медвѣдями или вообще за какимъ-нибудь хищнымъ звѣремъ, потому что, предполагая черезъ нѣсколько часовъ ѣхать дальше и имѣя достаточный запасъ мясной провизіи въ видѣ почти не начатой серны, мы не только не пуждались въ мясе, но должны были бросить значительную часть его, если бы убили еще серну, оленя или что-нибудь подобное.

Мы выступили на разсвѣтъ, прошли версты 2, влѣзли на довольно высокую гору, добрались, наконецъ, до снѣга, но рѣшительно никакой дичи нигдѣ не видѣли, несмотря на то, что передъ нашими глазами открывались склоны горъ, простирающіеся на многія версты.

Было только шесть часовъ утра; возвращаться къ стоянкѣ такъ рано намъ не хотѣлось и мы начали уже толковать о томъ, въ какую бы сторону лучше отправиться, чтобы еще побродить часа полтора или два; но въ это время совершенно неожиданно увидѣли высоко на горѣ двухъ медвѣдей. Они были, однако, такъ далеко, что мы рѣшили оставить ихъ въ покоѣ и поискать чего-нибудь поближе. Поднявшись еще выше, черезъ полчаса мы дѣйствительно замѣтили вдали медвѣдицу съ двумя медвѣжатами. Она ходила по чистому гладкому склону высокой горы и хотя довольно далеко отъ насъ, но во всякомъ случаѣ значительно ближе, чѣмъ только что упомянутые два медвѣдя. Мы отправились за ней и должны были лѣзть

на гору почти полтора часа. Въ это время не разъ приходилось намъ довольно долго ползти на животѣ, чтобы медвѣдица, ходившая по открытому, поросшему лишь небольшой травой косогору, не замѣтила насъ. Кромѣ того въ немалое смущеніе приводилъ, какъ меня, такъ и моего спутника, вѣтеръ, который по временамъ начиналъ дуть отъ насъ почти прямо къ медвѣдицѣ. Наконецъ очень неудобно было и то, что медвѣдица ходила на такомъ чистомъ, ровномъ косогорѣ, гдѣ подкрасться къ ней даже при самомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ ближе, какъ шаговъ на 200 или 250, было нельзя.

Стараясь по мѣрѣ возможности скрыватья то за тѣмъ, то за другимъ уступкомъ горы, мы подошли къ медвѣдицѣ шаговъ на 230—240; но дальше тянулася совершенно ровный, поросшій лишь мелкой травой откосъ, по которому надо было уже ползти и притомъ съ большой осторожностью. Я попросилъ своего спутника остаться передъ началомъ этого откоса, лечь и не показываться на глаза медвѣдицѣ, а самъ хотѣлъ подвинуться впередъ еще шаговъ 40—50 и затѣмъ, выбравъ удобный моментъ, стрѣлять, сидя или лежа. Но едва успѣлъ я пролѣзть шаговъ 30, какъ вдругъ вѣтеръ потянулъ снизу вверхъ, т. е. отъ меня прямо къ медвѣдицѣ, и она, какъ я замѣтилъ, тотчасъ почувяла, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ ясно, что-то недоброе. Стоя ко мнѣ задомъ, медвѣдица сильно вытянула морду и начала водить носомъ въ разныя стороны, очевидно принюхиваясь и желая точно опредѣлить, съ какой стороны угрожаетъ ей опасность. Медлить было нельзя и слѣдовало стрѣлять какъ можно скорѣе; поэтому я, не обращая вниманія на то, что медвѣдица стоитъ ко мнѣ задомъ и что разстояніе до нея не менѣе шаговъ 200, сѣлъ, положилъ ружье на колѣно, быстро прицѣлился и выстрѣлилъ. Мнѣ было слышно даже, какъ пуля ударила по медвѣдицѣ *); въ этотъ же самый моментъ я услышалъ сильный ревъ ея и увидѣлъ, какъ она быстрымъ галопомъ бросилась подъ крутую гору прямо ко мнѣ.

Я стрѣлялъ изъ одноствольнаго экспресса 450 калибра и опасаясь, какъ бы медвѣдица не добѣжала до меня

прежде, чѣмъ мое ружье будетъ заряжено, съ возможной поспѣшностью открываю затворъ, выхватываю изъ бывшаго у меня на поясѣ маленькаго (съ шестью гнѣздами) патронташа патронъ, спѣшу вложить его въ стволъ, но патронъ оказывается стрѣляннымъ.

Я съ досадою и негодованіемъ бросаю его и еще быстрѣе достаю другой, но, какъ на зло, въ моеѣ рукѣ и на этотъ разъ оказывается только пустая, стрѣленная гильза; въ это же время я замѣчаю, что разстояніе между мною и медвѣдицей сократилось уже на половину и что съ каждымъ мгновеніемъ медвѣдица приближается ко мнѣ все больше и больше. Только теперъ я вспомнилъ, что, отправляясь утромъ на охоту, я не вынулъ изъ патронташа тѣхъ двухъ патроновъ, которыми стрѣлялъ наканунѣ; очевидно, въ эту минуту они именно и попали прежде другихъ въ мои руки.

Съ возможной поспѣшностью выхватилъ я третій патронъ, но уже, конечно, не пустой, и едва только успѣлъ вложить его въ ружье и закрыть затворъ, какъ медвѣдица, сунувшись мордой въ землю и... перевернувшись раза два черезъ голову, громко заревѣла и растянулась на косогорѣ. Она не добѣжала до меня шаговъ 50.

За медвѣдицей слѣдовали оба ея медвѣженка. Я подпустилъ одного изъ нихъ довольно близко. Замѣтивъ, вѣроятно, меня, онъ остановился и поднялся на заднія лапы. Въ это время я выстрѣлилъ въ него пулей, предназначавшейся для его матери. Она попала ему въ животъ и я хорошо видѣлъ, какъ изъ него вывалился клубокъ внутренностей величиною почти въ голову человѣка. Экспрессная пуля, производящая вообще страшныя разрушенія, ударила по всей вѣроятности почти по касательной къ поверхности его живота и, разорвавъ стѣнку брюшной полости на большомъ протяженіи, произвела такую огромную рану, черезъ которую и выпали внутренности. Бѣдный медвѣжонокъ закричалъ громкимъ, пронзительнымъ голосомъ и бросился бѣжать

*) Въ горахъ, гдѣ часто приходится стрѣлять очень далеко, нерѣдко удается слышать ударъ пули по звѣрю; иногда звукъ бываетъ такъ рѣзокъ и силенъ, какъ будто бы пуля ударила въ доску.

подъ гору къ находившейся невдалекѣ каменистой балкѣ. По другому медвѣжонку выстрѣлилъ оставшійся позади меня мой проводникъ, но сдѣлалъ промахъ.

Подойдя къ медвѣдицѣ и бѣгло осмотрѣвъ ее, мы минуты черезъ 2—3 отправились выслѣживать раненаго медвѣжонка. Брызги и капли крови, которыя можно было различать на травѣ, а въ особенности на камняхъ, указывали направление, по которому онъ бѣжалъ. Я думалъ, что онъ свалится гдѣ-нибудь поблизости и потому началъ пристально отыскивать его здѣсь же, между скалами. Въ это время мнѣ попался кусокъ его кишекъ длиною сажени въ полторы. Онъ лежалъ на камняхъ и былъ вытянутъ почти въ прямую линію. Очевидно, медвѣжонокъ, бѣжавши, зацѣпился кишками за какой-нибудь камень и оборвалъ ихъ. Эта находка произвела на меня крайне непріятное, тяжелое впечатлѣніе. Мнѣ стало ужасно жалко бѣдное животное и хотѣлось какъ можно скорѣе прекратить его мученія; поэтому я, надѣясь скоро отыскать или догнать его, полъзъ дальше въ балку. Спусти нѣсколько минутъ вдругъ на противоположной сторонѣ балки раздался крикъ медвѣжонка. Я взглянулъ туда и тотчасъ увидѣлъ его. Вѣроятно онъ звалъ къ себѣ мать. Въ первый моментъ я принялъ его за раненаго, но, замѣтивъ какъ быстро и свободно онъ лѣзетъ на гору, разубѣдился въ своемъ предположеніи. Вскорѣ этотъ медвѣжонокъ скрылся, а на той же горѣ, шагахъ въ 600, показался другой. Онъ шелъ тоже довольно быстро, но замѣтно тише, чѣмъ первый. Въ бинокль я замѣтилъ, что задъ его окровавленъ и что за нимъ волочатся кишки на подобіе веревки длиною около сажени. Черезъ 2—3 минуты медвѣжонокъ поднялся на гребень горы и направился къ огромному, вверху крутому и скалистому, а внизу поросшему дремучимъ лѣсомъ, ущелью. Спуститься за нимъ въ эту пропасть было рѣшительно невозможно и потому мы, въ силу необходимости, должны были прекратить преслѣдованіе его.

Исторія съ этимъ несчастнымъ медвѣжонкомъ нѣсколько сутокъ не выходила у меня изъ головы и отравила мнѣ все мое удовольствіе охоты двухъ послѣднихъ дней; да и те-

перь я не могу вспомнить о ней безъ неудовольствія. Если бы я зналъ, что медвѣжонка постигнетъ такая участь, то ни за что не сталъ бы стрѣлять по немъ!

Проходивъ довольно долго, а главное, не имѣя во рту ни кусочка пищи со вчерашняго дня, мы утомились такъ сильно, что рѣшили тотчасъ же отправиться къ стоянкѣ; тамъ мы должны были закусить, отдохнуть немного, а затѣмъ уже пріѣхать сюда верхами и заняться медвѣдцей.

Передъ сниманіемъ кожи съ нея мы никакъ не могли найтти выходнаго отверстія пули. Я предполагалъ, что пуля попала гдѣ-нибудь около крестца и потому искалъ рану по преимуществу въ этой части тѣла медвѣдицы. Нашли мы ее, однако, только тогда, когда сняли почти всю кожу, и оказалась она у самаго корня хвоста. Отсюда пуля проникла въ брюшную полость, пробила кишки, сдѣлала въ желудкѣ два входныхъ и два выходныхъ отверстія; далѣе одинъ кусокъ пули вышелъ изъ тѣла на нижней сторонѣ живота, а другой (донышко пули) пробилъ грудобрюшную преграду, задѣлъ легкія и остановился въ передней части груди подъ кожею. Такимъ образомъ онъ пронизалъ вдоль все тѣло медвѣдицы.

Н. Динникъ.
